

12+ КРИСТАЛЛ ЧЕТЫРЁХ

ЕВГЕНИЙ ХАЗИЕВ
АРСЕНИЙ ВОРФОЛОМЕЕВ

Арсений Ворфоломеев

Кристалл Четырех

«Издательские решения»

Ворфоломеев А.

Кристалл Четырех / А. Ворфоломеев — «Издательские решения»,

Четверо деревенских мальчишек, мечтавших о «настоящей войнушке», попадают в невероятное приключение после того, как взрыв переносит их в загадочные джунгли. Там они сталкиваются с чуждым и опасным миром, включая таинственный храм, древние пророчества и племя, которое поклоняется одному из них как божеству. Однако настоящая опасность исходит от испанских завоевателей, флибустьеров, и загадочного мальчика-пирата, знающего путь к сокровищам.

Содержание

ПРОЛОГ	6
СОЛДАТЫ ЗАРЕЧЬЯ	8
КУДА ПОПАЛ Я?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кристалл Четырех

Арсений Ворфоломеев

Евгений Хазиев

Художник Евгений Владимирович Хазиев

© Арсений Ворфоломеев, 2026

© Евгений Хазиев, 2026

ISBN 978-5-0070-4798-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Данные из бортового компьютера АТЛАЯ:

«Мой мир — это данные. Я — Наблюдатель, сознание, растворённое в сенсорах зонда АТЛАЯ, что бесшумно скользит над миром, обозначенным как SR-387-Гея. Мы, Спруты, давно оставили грубые формы вмешательства; наше оружие — знание, наша защита — невидимость. И, как выяснилось, наша величайшая угроза — детские игрушки. Я находился здесь отнюдь не для праздного наблюдения за фауной. Десять циклов назад Сеть зафиксировала сигнал. Не грубую электромагнитную волну, а тонкий пси-резонанс, исходящий из недр этой планеты. Его источник был однозначно идентифицирован как — «Ключ Мироздания», артефакт, оставленный Прародителями — древней расы Спрутов, чей путь затерялся в хрониках эонов. Артефакт, способный не создавать или разрушать, а переписывать локальные участки реальности. Легенда. И он проснулся здесь, на этом заброшенном мире, населённом шумными гуманоидами.

Моё задание было простым и сложным одновременно: найти Ключ и изъять его, не нарушая статуса невидимого наблюдателя. Сигнал был слишком общим, чтобы определить точные координаты. АТЛАЯ, просеивая терабайты данных, выдала прогноз: зона максимальной вероятности появления артефакта — окрестности этого примитивного поселения. Я сосредоточил наблюдение. И именно поэтому моё внимание привлекла группа юных гуманоидов. Их игра была шумной и примитивной: яркие ткани, деревянные имитации оружия, симуляция конфликта. Я фиксировал их как безобидный, хоть и раздражающе громкий, элемент местной фауны, мешающий тонким сканированиям. Пока один из них, тот, что носил на лице оптические корректирующие диски, не извлёк небольшой свёрток.

Мои сенсоры мгновенно идентифицировали угрозу. Примитивный химический заряд, «взрывпакет». Его энергия была смехотворна — примерно как попытаться разрушить звездолёт, бросив в него спелый фрукт. Но сам факт направленного взрыва в сторону зонда активировал протоколы высшего приоритета. Парадокс достиг космического масштаба. Я, охотник за величайшим артефактом своей расы, был вынужден реагировать на угрозу, эквивалентную плевку насекомого. Но протоколы высшего приоритета неумолимы: любое раскрытие нашего присутствия — провал миссии. Чтобы сохранить статус невидимого наблюдателя и продолжить поиски Ключа, мне пришлось применить одно из самых сложных устройств в арсенале. Прямо в эпицентре зоны поиска. Сработала «Регулятивная хроно-буферная система» — наше гуманное оружие. Оно не уничтожает угрозу. Оно, если грубо, выживыживает её с позором. Принцип прост: нельзя причинить вред тому, кто находится в другом измерении. Логика защиты была безупречна: чтобы обезвредить взрыв, достаточно убрать его причину. Всю причину. Вместе с окружающим пространством, парой кустов и, по моим подсчётам, тремя несчастными бабочками.

Я наблюдал, как реальность вокруг гуманоидов искривилась. Они стояли, увлечённые своим опасным ритуалом, и явно не ожидали, что их игра закончится выселением из родной временной линии. Нано-секунду спустя они исчезли. Четверо детей, их примитивное оружие и клочок земли были моментально отброшены по сложнейшей траектории, рассчитанной для минимизации парадоксов. Выброшены в прошлое их же мира, в гущу джунглей. Ирония была восхитительна и горька одновременно. Их попытка устроить маленький «бум» не только обернулась самым грандиозным «бумом» в их жизни, но и поставила жирный крест на моей миссии. Ключ мог быть где угодно — в земле, в воздухе, в одном из этих детей. А теперь он, как и они, был выброшен в хроно-поток. Миссия провалена. Провалена из-за взрывпакета. Протокол предписывал мне прекратить наблюдение и доложить о провале. Угроза нейтрали-

зована, миссия сорвана. Но я нарушил его. Теперь это была не просто научная любознательность. Это был акт отчаяния. Если Ключ действительно был связан с ними или их местоположением, то теперь он находился в их временной линии. Я, сам того не желая, не просто вышвырнул детей — я отправил их в точное место и время, где, по новым расчётам АТЛАЯ с вероятностью 99.8% должен был проявиться Ключ.

Я не толкнул муравейник. Я случайно переместил его прямо на единственную крошку, которую искал. Глупо, ненаучно, катастрофически непрофессионально... но чертовски интересно. И потому я последовал за ними. Моя маскировка приняла форму их страха — «немца» на мотоцикле. Я буду смотреть. И записывать. И ждать. Ибо их история из нелепой случайности превратилась в мою единственную надежду на исправление величайшей ошибки. Теперь этот абсурдный спектакль с участием детей, взрывпакета и артефакта богов — это моя миссия. И мне за свой же счёт придётся досмотреть его до конца.

СОЛДАТЫ ЗАРЕЧЬЯ

Стоял знойный и неподвижный день. Воздух словно застыл под ослепительным куполом неба. Солнце разливало густой и тягучий, как мед свет, превращая двор деда Никиты в маленький, замкнутый мирок, утопающий в летнем зное. Воздух над раскалённой землёй колыхался прозрачными маревами, и даже в пожухлой траве, вполсилы лениво стрекотали кузнечики. В центре этого марева, будто островок ушедшей эпохи, возвышалась груда камней. Это было всё, что осталось от старой печи. Тёплый, шершавый камень хранил в своих порах жар прошедшего дня и вековую пыль. На этом каменном троне, подставляя лица палящим лучам летнего солнца, сидели трое мальчишек. Саша, двенадцати летний парень, откинулся на локтях. Солнце весело играло в его светлых, будто выгоревших волосах, превращая их в сияющий ореол. Его глаза, цвета летней речной воды, были устремлены куда-то поверх крыш, в самую высь. Стройный, с уже проступающей в чертах лица мужественностью, он был похож на молодого витязя, застывшего в раздумьях. Рядом, подобрав под себя смуглые ноги, сидел одиннадцатилетний Тимур. Его иссиня-чёрные волосы были тёмным пятном на фоне выцветшего неба, а смуглость кожи оттеняла глубокие, как ночь, карие глаза. Он сжимал и разжимал кулаки, его тонкие брови были сдвинуты вниз.

И третий, самый младший, восьмилетний Арслан, сидел, обхватив колени руками. Его волосы, цвета светло-коричневого дуба, сливались с загаром на его щеках, и только невероятно яркие, зелёные, как две вспышки летней листвы глаза, горели немым вопросом. Он прижимался к старшим ребятам, ища у них защиты не от солнечного жара, а от чего-то иного, невысказанного.

Они совсем недавно вышли из прохладного полумрака кинозала, и этот идиллический, солнечный двор, пахнувший полынью и нагретым кирпичом, казался теперь хрупкими картонным декорациями.

Тишину разорвал Тимур. Он всё так же сидел, обхватив колени, и говорил, не глядя на друзей, уткнувшись подбородком в колени:

— Ну они... они же крутые были, да? Вот этот пулемётчик, который один против всех остался... Ну, они герои, правда?

Саша медленно перевел на него взгляд. Он молча кивнул. Потом, поняв, что Тимур не видит, тихо сказал:

— Ага. Герои. Не потому что не боялись. Боялись, наверное, все. Но они... они просто делали то, что надо. Родину защищали.

Арслан, до этого притихший, вжавшись в Сашино плечо, поднял на него свои огромные глаза.

— Саш... — прошептал он, и голос его дрогнул. — А война... это что вообще такое?

В воздухе повис простой, но одновременно и тяжёлый вопрос. Саша нахмурился, подбирая слова.

— Ну... — неуверенно начал он. — Это как... самая страшная драка на свете. Только не во дворе, а везде. И вместо кулаков — танки и пули.

Старший из компании помолчал, глядя, как муравей тащит соломинку меж камней.

— Это когда нету мороженого, а хлеб дают по маленькому кусочку. И все всё время голодные. И папы уходят... и не приходят. И ночью нельзя свет включать, чтобы тебя не нашли и не... — он не договорил, сглотнув.

— Это когда всё ломают, взрывают и всё горит. Все плачут, а беда не прекращается. Постоянно.

Саша умолк, исчерпав слова. Арслан слушал, не мигая, его лицо стало серьезным. Он прижался к тебе еще крепче.

— Это... это очень плохо, — тихо констатировал он, и в его детском голосе прозвучала окончательная, бесповоротная оценка тому, что он услышал.

Но вдруг он сорвался с места, словно его ударило током. Его зелёные глаза, только что наполненные тяжёлыми думами, теперь горели азартом.

— А давайте! — выпалил он, захлёбываясь от внезапной идеи. — Давайте играть в войнушку! Там, в лесу, за околицей! Мы будем как они! Мы будем защищать свою деревню! Как партизаны!

Он уже подпрыгивал на месте, показывая, как будет бежать и стрелять из воображаемого автомата. Саша и Тимур переглянулись. Их лица всё ещё не отпустила взрослая серьёзность, но в глазах у обоих мелькнула одна и та же мысль. Первый не выдержал Тимур. Уголок его рта дёрнулся в едва заметной улыбке. Он толкнул Сашу локтем.

— Ну что, командир? Приказ будет? — сказал он. В его карих глазах снова появился знакомый озорной огонёк.

Саша встал, смахнул с шорт прилипшие травинки и выпрямил спину, глядя в сторону леса.

— План такой, — чётко сказал он, как настоящий командир. — Идём в лес, за овраг. Наша задача — найти вражескую базу и уничтожить всех фашистов!

Он обвёл взглядом товарищей, распределяя роли.

— Тимур, ты у нас будешь пулемётчик. Будешь прикрывать нас, когда пойдём в атаку. Арслан... — он посмотрел на младшего, — ты будешь снайпером. Заберешься на березу и будешь бить точно в цель. Сможешь?

— Конечно смогу! — закричал Арслан, уже представляя себя затаившимся в ветвях метким стрелком.

— Тогда вперед! — скомандовал Саша. — За Родину!

И трое мальчишек, уже не обременённые тяжестью мыслей, а охваченные азартом игры, пустились бежать через двор к лесу, где их ждали воображаемые враги и великие победы. На полпути ребята выстроились в подобие шеренги и, стараясь идти в ногу, двинулись по пыльной деревенской улице. Саша шёл впереди, как настоящий командир, изредка покрикивая: «Равнение налево! Шаг строже!»

Но не успели они пройти и полпути, как Тимур вдруг резко остановился и хлопнул себя по лбу.

— Стойте! Точняк же! — его карие глаза расширились от внезапной догадки. — У бабы Зои... у неё же в доме есть целый склад военной формы! Как раз такой, как в кино!

Саша прекратил маршировать и обернулся.

— Какой формы?

— Ну, — Тимур заговорщически понизил голос, хотя вокруг не было никого, — она же на прошлый День Победы костюмы для школьников шила. Там и гимнастёрки, и пилютки, и даже вот эти... как их... — он сделал жест у плеча, — погоны! И всё как настоящее! И на нас, по-моему, должно подойти.

Арслан, который уже начал изображать самолёт, кружа вокруг товарищей, замер с разведёнными в стороны руками.

— Правда?! — взвизгнул он так, что с ближнего забора с перепугу слетел воробей. — Мы будем как настоящие?! Я хочу! Я очень хочу! Давайте бегом!

Он уже подпрыгивал на месте, пытаясь одновременно и схватить Тимура за руку, и потянуть Сашу за майку, и продолжить быть самолётом.

Саша сдержанно улыбнулся, но по его глазам было видно, что идея ему очень по душе.

— Это... это серьёзное подкрепление, — сказал он, стараясь сохранить командирский тон. — С формой мы будем выглядеть как настоящая воинская часть. Веди, Тимур к бабе Зое. Только быстро, пока враг не занял все выгодные позиции!

— Ура-а-а! — завопил Арслан и, не дожидаясь, рванул вперёд, но, споткнувшись о собственные ноги, едва не растянулся в пыли. Он тут же вскочил, отряхивая ладошки, и, ни капли не смутившись, продолжил нестись вперёд, уже крича через плечо:

— Я первый буду снайпер в форме! Я всех перестреляю! Тычь-тычь-тычь!

Тимур и Саша переглянулись и дружно рассмеялись, глядя на его улепётывающую спину. Строй уже был забыт. Теперь они просто бежали за младшим на другой конец деревни, к дому бабы Зои, где их ждало самое важное снаряжение для их внезапно ставшей гораздо более серьёзной войны.

Пыльная деревенская дорога превратилась в гоночную трассу. Арслан, забыв и про снайперскую винтовку, и про строевой шаг, нёсся вперёд с такой скоростью, что его светло-коричневые волосы развевались на ветру, как боевое знамя. Он пригнул голову и работал локтями, словно прорывался через настоящие вражеские заслоны.

— Эй, пулемётчик, подожди секунду! — крикнул Саша, пытаясь догнать младшего, но тот только увеличил отрыв.

Тимур, бежавший рядом, смотрел на Арслана с нескрываемым удивлением.

— Откуда в нём столько скорости? — запыхавшись, выдохнул он. — Он же вроде только что с камней слез, еле двигался!

Саша только покачал головой, чувствуя, как сбивается дыхание. Казалось, сам воздух помогал Арслану, подталкивая его вперёд, пока они, двенадцатилетний и одиннадцатилетний, пыхтели сзади. Наконец впереди показался аккуратный домик с голубыми ставнями. Они добрались до владений бабы Зои. Арслан, не сбавляя хода, влетел во двор и обрушился на деревянную дверь, словно таран.

Бам-бам-бам-бам.

— БАБА ЗОЯ! — закричал он, не прекращая колотить двумя кулаками одновременно. — БА-БА ЗО-Я! ОТКРЫВАЙТЕ СРОЧНО! ЭТО АРСЛАН ПРИШЁЛ! ВЫ ВООБЩЕ ДОМА?! АУ-У-У!

Он на мгновение замолк, прильнув ухом к щели, потом снова начал долбить в дверь, но уже с другой интонацией, полной отчаяния и надежды:

— МЫ ЗНАЕМ, ЧТО У ВАС ФОРМА ЕСТЬ! МЫ ВИДЕЛИ КИНО ПРО ВОЙНУ! МЫ ТЕПЕРЬ ГЕРОИ! НАМ НАДО!

Саша и Тимур, подбежав, остановились, переводя дух. Они смотрели на это комичное зрелище: их младший товарищ, красный от натуги и скорости, вел настоящий штурм двери бабушкиного дома, объявляя всему свету об их великой миссии. Арслан на секунду оторвался от двери, повернулся к подбежавшим друзьям. Его пыльное и покрасневшее от бега и стучания лицо, выразило внезапную неуверенность.

— А она вообще дома? — прошептал он, губы его задрожали, будто он боялся, что их великая миссия вот-вот рухнет из-за этого простого обстоятельства.

Но сомнение длилось лишь мгновение. Убедившись, что старшие не знают ответа, он с новым рвением обрушил кулаки на дремавшую под солнцем дверь.

Бам-бам-бам-бам.

— Баба Зоя-я!!

И в этот миг дверь вдруг резко отворилась внутрь, словно её подбили тараном. Арслан, потеряв опору, с пиком полетел следом, едва успев перебраться ногами и удержаться на них. Он качнулся вперед, назад и замер, тяжело дыша, в проеме, залитом прохладной тенью сеней. Перед ним стояла удивлённая баба Зоя. Полная старушка с добрыми, лучистыми глазами-щелочками и мощной седой косой, уложенной вокруг головы вроде короны. На ней было старенькое, выцветшее ситцевое платье в мелкий цветочек и чуть помятая белая панама, которую она, видимо, надела второпях, выходя из огорода. В руке она ещё сжимала пучок только что сорванного зелёного лука.

— Господи Иисусе! — выдохнула она, широко раскрыв глаза. — Арслан? Да что такое? Пожар, что ли? Ты дверь мне чуть не высадил!

Арслан, оправившись от неожиданности, выпрямился во весь свой небольшой рост. Его зелёные глаза горели такой решимостью, что, казалось, могли бы осветить все сени и без электричества.

— Баба Зоя! — торжественно провозгласил он, забыв про «здравствуйте». — Нам срочно нужна ваша военная форма! Мы теперь герои! Нам врага бить нужно!

Баба Зоя медленно перевела взгляд с пылающего Арслана на подошедших Сашу и Тимура. Её доброе лицо выражало полное недоумение.

— Какую такую форму, сынок? — спросила она, поправляя панаму. — Какие герои? Ты о чём?

Тут вперёд шагнул Саша. Выпрямившись и стараясь говорить как можно более по-взрослому, он объяснил:

— Баба Зоя, мы из клуба пришли. Смотрели фильм про войну. И мы... мы решили поиграть в войнушку. Тимур говорит, у вас осталась форма с Дня Победы. Гимнастёрки, пилотки... Можно их нам одеть, пожалуйста? А то мы... как настоящие солдаты хотим.

Он замолчал, с надеждой глядя на старушку. Баба Зоя посмотрела на их серьёзные, возбуждённые лица, на горящие глаза Арслана, и её черты смягчились. В уголках глаз собрались лучики морщинок. Она улыбнулась.

— А-а-а, играть собрались... Ну что ж, дело хорошее, — кивнула она. — Заходите, покажу. Только тише вы, с испугу-то я чуть лука не рассыпала.

Она повернулась и, шлёпая голошами по половицам, повела их в дом. Они вошли в прохладный полумрак сеней, а оттуда в небольшую, уютную комнатку. Воздух здесь был густой и пряный, пахло сушёной мятой, ромашкой и старым деревом. В углу стояла небольшая кирпичная печка, уже протопленная с утра, а у дальней стены, под образами, лежала массивная, потемневшая от времени крышка подпола. Всюду пучками висели сушёные травы, отчего комната напоминала жилище лесной ведуньи. В углу, у окна, стоял большой, почти былинный сундук, окованный чёрными металлическими полосами. Баба Зоя откинула тяжёлую крышку, которая жалобно взвыла, и в воздух поднялось облачко пыли, в котором закружились золотистые частички. Мальчишки, затаив дыхание, выстроились в ряд, заглядывая внутрь.

Там, аккуратно сложенные, лежали сокровища. Несколько гимнастёрок защитного цвета, пара пилоток, и даже те самые, желанные погоны. Вся одежда пахла нафталином, строгостью и чем-то неуловимо историческим.

— Ну, выбирайте, что по душе, — разрешила баба Зоя, отходя к печке и наблюдая за ними.

Ребята с азартом набросились на сундук. Тимур тут же нацепил на себя гимнастёрку, которая оказалась ему слегка великовата, но он тут же подоткнул полы, сделав вид, что так и надо. Арслан, пища от восторга, нашел маленькую пилотку и, надвинув её на самые уши, принялся прилаживать вещмешок, который волочился по полу, как хвост. А Саша... Его взгляд упал на отдельный свёрток в углу сундука. Он развернул его — и замер. В его руках лежала не простая пилотка, а настоящая офицерская фуражка с твёрдым лакированным козырьком и аккуратной армейской звёздочкой. Она была чуть выцветшей, но от этого казалась только более настоящей, будто её только вчера снял с себя какой-нибудь молодой лейтенант.

Саша с благоговением примерил её. Фуражка села на него почти идеально, делая его строже и взрослее. Он поймал своё отражение в тёмном оконном стекле и выпрямил спину, глядя на себя глазами командира.

И в этот самый момент в комнату, тяжело дыша, влетел кто-то новый. На пороге стоял запыхавшийся Марат. Пухлый десятилетний мальчишка, которого они все хорошо знали. В

его пальцах отчаянно дребезжало жестяное ведро с водой а круглые очки съехали на кончик носа. Лицо было покрасневшимся от усилия.

Увидев товарищей, облачающихся в военную форму, Марат остолбенел, выпучив глаза. Он с грохотом поставил ведро на пол.

— Вы... это... куда это вы такие? — выдавил он наконец, с недоумением оглядывая их со стороны.

Тимур, поправляя погон, важно выступил вперёд.

— В лес! — бодро отрапортовал он. — Бить фашистов! Наша разведгруппа выполняет секретную миссию!

Марат медленно снял очки, протёр их край рубахи и снова надел, будто не веря своим глазам. Он всё ещё тяжело дыша, смотрел на них, и в его круглых, увеличенных стёклами очках, плескалась такая тоска и такое горячее желание, что его невозможно было не заметить. Он переступил с ноги на ногу, сжал свои пухлые пальцы в кулаки и вдруг выпалил, глядя прямо на Сашу:

— А можно я с вами?

Ребята переглянулись. Все они знали Марата. Он был неповоротлив, как молодой медвежонок, в школьных эстафетах всегда спотыкался о собственные ноги, а в драках его главным оружием была глупая ухмылка, которая обезоруживала всех. Солдат из него был, прямо скажем, не ахти.

Но посмотреть в его глаза и сказать «нет» — такого не мог даже самый суровый командир.

Саша вздохнул, поправил свою новенькую фуражку и сделал шаг вперёд.

— В каждом отряде нужен не только меткий стрелок, но и смелый подрывник, — сказал он, стараясь придать своему голосу побольше начальственной строгости. — Задание у него опасное, тихое. Один на один с врагом. — Он посмотрел на Марата. — Готов, боец?

Марат вытянулся так резко, что его очки снова съехали на нос.

— Так точно! — просипел он. Его лицо расплылось в такой счастливой, сияющей улыбке, что даже Тимур, всегда готовый к сарказму, только одобрительно хмыкнул.

Баба Зоя, наблюдавшая за этой сценой, с теплотой улыбнулась, глядя, как неуклюжий мальчишка превратился в важного бойца. Она кивнула:

— Правильно, командир. Ни один солдат не должен отсиживаться в тылу, когда его товарищи идут в бой.

Ободрённые её словами, ребята с новым рвением продолжили облачаться в амуницию. Комната наполнилась деловым шумом. Саша, уже полностью вжившийся в роль командира, отыскал на дне сундука самую маленькую гимнастёрку и, кряхтя, помог Арслану в неё влезть. Ткань сидела на младшем мешковато, рукава приходилось несколько раз закатывать, но для Арслана это была форма самого героического снайпера на свете.

Тимур и Марат, ставшие теперь боевыми товарищами, копошились у сундука, примеряя пилотки и прикидывая, кому какая вещмешковая лямка меньше натирает плечо. Тимур, как старожил, с важным видом объяснял новобранцу, как правильно застёгивается планшетка и для чего нужна та самая, загадочная сумка-противогаз.

Наконец, последняя пуговица была застёгнута, последний ремень подтянут. Они выстроились посреди комнаты, настоящее, пусть и малочисленное, воинское подразделение. Саша в офицерской фуражке и гимнастёрке, с подчёркнуто прямой спиной. Тимур в своей широкой гимнастёрке, но с лихо сдвинутой набок пилоткой, из-под которой выбивались чёрные волосы. Арслан, утонувший в ткани, но с горящими, как два изумруда, глазами, сжимал в руках воображаемую винтовку. И пухлый Марат в очках. Он стоял с таким одухотворённым и серьёзным лицом, что его неуклюжесть уже не казалась недостатком, а становилась частью его образа — образа надёжного, негибачего подрывника.

Баба Зоя проводила их до двери, любуясь нарядным отрядом. Но когда Саша уже потянулся к щеколде, она вдруг мягко остановила его, положив руку ему на плечо.

— Пойдите, орлы, не спешите, — сказала она. В её глазах заплясали весёлые искорки. — Форма — это, конечно, сила. Но солдат без оружия — что птица без крыльев. У меня для вас есть один сюрприз.

Ребята замерли, затаив дыхание. Особенно Арслан, который, казалось, сейчас взлетит к потолку от любопытства.

— Вы сейчас идите, — продолжила баба Зоя, таинственно понизив голос, — к деду Юре, к нашему плотнику. Скажите, что от меня. У него с прошлого года, со дня Победы, целый арсенал деревянный лежит — автоматы, винтовки. Пылятся без дела. А вам, я думаю, будет в самый раз.

В комнате на секунду воцарилась полная тишина, а затем её разорвал восторженный визг Арслана.

— У-у-у-у-у! — закричал он, подпрыгивая на месте и хватая Сашу за рукав. — Настоящее оружие?! Деревянное?! Саш, ты слышал?! Тыч-тыч-тыч будет по-настоящему!

Его глаза стали круглыми, как блюдца, а лицо выражало такое комическое изумление и радость, будто ему предложили целый грузовик мороженого.

Тимур свистнул, а Марат, забыв о своей новой серьёзной роли, просто разинул рот.

— Обалдеть, — прошептал Тимур. — Теперь мы точно непобедимы.

— Так точно, товарищи бойцы! — строго сказал Саша, но углы его губ предательски подрагивали. Он вытянулся по стойке «смирно» перед бабой Зоей. — Разрешите идти, товарищ генерал?

Баба Зоя рассмеялась, махнув на него платочком, который вдруг появился у неё в руке.

— Идите, идите, герои. Я деду Юре сейчас позвоню, предупрежу, чтобы он вас ждал и без лишних вопросов вооружил. А то он у нас человек строгий.

Не нужно было повторять дважды. Отряд, уже не просто мальчишки, а настоящая боевая единица в полном обмундировании, ринулся из дома бабы Зои. Их ноги сами понесли их по пыльной дороге к дому плотника, где их ждало обещанное оружие. А сзади им в след доносился ласковый голос:

— Только осторожнее там! И к ужину, чтобы все целыми были!

Облачившись в военную форму, отряд почувствовал себя не просто мальчишками, а настоящим боевым подразделением. Пыль, поднятая их недавним бегом, казалось, ещё висела в воздухе, но теперь всё было по-другому. Саша, поправив лакированный козырек фуражки, командовал:

— Рота, стройся!

Трое «бойцов» — Тимур, Арслан и даже пухлый Марат, старательно втянувший голову в плечи, — выстроились в неровную, но полную энтузиазма шеренгу.

— Равнение налево! Шагом марш! — четко командовал Саша и, повернувшись лицом к цели, зашагал в сторону окраины деревни, где стоял дом плотника деда Юры.

Их марш по пыльной деревенской улице был зрелищем незабываемым. Дневное солнце продолжало палить и отбрасывать длинные тени от их фигурок, одетых в гимнастерки. Они шли, стараясь печатать шаг, хотя у Арслана от закатанных рукавов больше торчали локти, чем получался строевой шаг, а вещмешок Марата отчаянно болтался и бил его по спине. Тимур шел, лихо заломив пилотку набекрень. Из окон на них смотрели удивленные, а чаще, улыбающиеся лица односельчан, но для мальчишек в этот момент существовали только они, их миссия и предстоящее оружие.

Наконец они достигли аккуратного домика с большой деревянной мастерской во дворе. Воздух здесь пах свежими опилками и смолой. Саша, оставив отряд в строю, сделал несколько

твердых шагов к двери и, собрав всю свою командирскую волю, трижды четко постучал костяшками пальцев.

Сначала было тихо, потом послышались неспешные, тяжелые шаги. Дверь скрипнула и отворилась. На пороге стоял дед Юра. Низкорослый, худощавый, он казался вырезанным из старого, выдержанного дерева. На его голове седыми островками лежали волосы, между которыми блестела аккуратная проплешина, а лицо обрамляла такая же седая, коротко подстриженная борода. Но главным в его лице были глаза. Добрые, умные, с целой сетью лучистых морщинок, готовые то ли к строгой проверке, то ли к теплой улыбке. Он окинул взглядом роту, и в уголках его глаз заплясали знакомые искорки.

— Так, — произнес он хриловатым, но твердым голосом. — Прибыло подкрепление, я погляжу. Баба Зоя звонила. Говорит, героям оружие требуется.

— Так точно, товарищ плотник! — отчеканил Саша, вытягиваясь по стойке «смирно». — Наша разведгруппа выполняет боевую задачу по ликвидации вражеской базы в лесу. Просим выдать нам положенное по уставу вооружение!

Дед Юра медленно кивнул, скрыв улыбку в седине бороды.

— Понятное дело. Без оружия — не солдаты. Проходите, выбирайте.

Он распахнул дверь шире, и ребята, стараясь сохранить строевой вид, ввалились в прохладный, заставленный верстаками и пахнущий древесиной полумрак мастерской. В углу, прислоненные к стене, лежало то самое сокровище — целый арсенал деревянного оружия.

Дед Юра, не торопясь, стал выдавать «боеприпасы». Тимур у него вручил длинную винтовку, выточенную так искусно, что угадывался силуэт настоящей. Марату — поменьше, да еще и деревянный пистолет, который тот тут же заткнул за ремень своей гимнастерки, важным жестом поправив очки. Арслан, затаив дыхание, получил свою, самую легкую винтовку, и тут же прицелился в воображаемого врага в щели между досок, беззвучно шевеля губами: «Тычь!»

Потом дед Юра подошел к Саше. Он посмотрел на него внимательно, оценивающе, и его взгляд задержался на офицерской фуражке.

— Командиру — командирское оружие, — сказал он и протянул Саше деревянный автомат. Это был ППШ, с диском, прикладом и круглым, отполированным до блеска стволом. Он был тяжелее других, чувствовался в руках солидно и надежно. — И по уставу положено, — добавил дед, подмигнув, и сунул Саше еще и деревянный пистолет, смутно напоминающий ТТ.

Саша взял оружие. ППШ лег ему в руки как влитой. Он перехватил его, почувствовав шершавую, живую фактуру дерева, и в этот мир он был уже не мальчишкой, а командиром, от приказов которого зависела судьба операции.

— Отряд, к выходу строиться! — сдавленным от волнения голосом скомандовал он.

Облаченные в форму, с деревянным, но от этого не менее грозным в их глазах оружием на плечах, они выстроились перед мастерской деда Юры.

— На врага, шагом марш! — скомандовал Саша, и отряд двинулся в сторону леса, держа путь через всю деревню.

И тут Тимур, чьи чёрные глаза блестели от озорства, начал напевать что-то под нос. Мелодия была старая, суровая, которую они все слышали в том самом фильме. Сначала тихо, но, подхваченная общим настроением, она полилась громче, превратившись в боевой гимн их маленькой армии.

«Вставай же с колен мир голодных рабов,

Теперь мы едины, и каждый готов!

Смелее товарищ, порвём цепи зла,

Идёт борьба за правое дело!»

Они пели громко, отчаянно фальшивя, но с такой искренней мощью, что слова, рождённые в огне настоящих битв, казалось, наполняли их самих силой и правдой. Их ещё детские, но уже твёрдые голоса, разносились по тихой деревенской улице. И деревня смотрела на них.

Из-за заборов, с крылечек, из открытых окон на них оборачивались люди. Видавшие жизнь старики, в потертых картузах, замирали на месте. Их морщинистые лица сначала выражали недоумение, а потом смягчались какой-то глубокой, тихой грустью. Один дед, с седыми, как лунь, усами, слушая их пение, медленно, по-военному, выпрямил спину, и его рука сама потянулась к непокрытой голове в немом салюте. В его глазах стояла влага, и он видел не четверых мальчишек в смешных гимнастёрках, а что-то другое, далёкое и бесконечно дорогое.

Подростки, гонявшие во дворе мяч, замирали, отпуская его катиться в пыль. Они смотрели на отряд с нескрываемой завистью и уважением. Им, стремившимся к крутости из современных фильмов, эта наивная, но такая искренняя войнушка вдруг показалась куда настоящей и достойной. Никто не смеялся. Никто не кричал им вслед насмешек. Было лишь молчаливое, всеобщее понимание.

Молодые матери, качавшие младенцев на крылечках, с улыбкой прижимали к себе детей и смотрели вслед маленькому марширующему отряду. Они видели не игру, а преемственность — ту самую, что из поколения в поколение, через песни, через память, через вот такие вот моменты, передаёт что-то самое главное.

А они, четверо бойцов, чувствовали на себе эти взгляды, удивлённые, ноющие, одобрительные. И от этого их спины распрямлялись ещё больше, а шаг становился твёрже. Они не просто шли играть. Они шли нести свою миссию. Горячая и сладкая гордость распирала их изнутри. Им казалось, они были центром вселенной в этот миг, они были героями, которых провожали в бой взгляды целой деревни.

Они пели, и казалось, что сама деревня, её пыльные дороги, старые избы и молчаливые люди, всё это застыло, слушая их. И пока их голоса звучали под безоблачным небом, они были не просто мальчишками. Они были памятью, они были отвагой, они были громким, живым и непобедимым эхом далёкой, настоящей войны.

Вскоре, отряд, распевая боевой гимн, вышел на главную площадь деревни. Это было пустынное пространство с покосившимся фонарным столбом, лавочкой для пенсионеров и небольшим продуктовым магазинчиком с засиженными мухами витринами. И тут же строй замер по команде Саши.

— Сто-ой! Сми-ирно!

Причиной остановки был не магазин, а припаркованная прямо напротив него, вся в пыли, патрульная «Нива» участкового Кузьмича.

Но Сашу вид машины не насторожил, а вдохновил. Его командирский взгляд упал на пустой деревянный ящик из-под овощей, стоявший у входа в магазин. Это была судьба.

— Отряд, равняйся! — скомандовал он и, отставив свой ППШ Тимуру, уверенно взгромоздился на шаткую импровизированную трибуну.

Кузьмич замер, как сурок на шоссе. Он видел этот огонь в глазах Максимова-младшего. И этот огонь знал. Он этот огонь тушил в прошлом году, когда Саша, играя в пожарного, чуть не поджег ему багажник «семёрки» соседа, облив бензином и пытаясь «потушить» из садовой лейки.

— Товарищи! — начал Саша, и его голос впервые дрогнул, сорвавшись на писк. Он сглотнул, сжал кулаки, и слова полились увереннее, громче, заполняя площадь. — Мы на передовом рубеже! Отсюда мы двигаемся в наступление, пойдём на прорыв! НАТОвцы забыли, как воевать!

«НАТОвцы...» — беззвучно повторил за ним Кузьмич. Его лицо скривилось, словно он откусил лимон. Он сделал шаг вперед, уже открывая рот, чтобы рывкнуть: «Максимов, быстро отсюда!», но не успел.

Саша, вдохновлённый собственными словами, прыгнул с ящика и с решительным видом направился к «Ниве».

— Они пытались нас запугать, думали... что мы поддадимся их угрозам! — продолжал он, уже вскарабкиваясь на капот, а оттуда — на плоскую крышу полицейской Нивы. — Но сегодня они узнают, что русский солдат не сдаётся!

Кузьмич замер в ступоре, его рука бессильно опустилась. «Только не на капот... — промелькнуло у него в голове. — В прошлый раз он в грязных сапогах...»

Раздался характерный скрежет сапога по грязному, но все-таки вымытому на прошлой неделе металлу. Кузьмич аж попятился, словно ему на ногу наступили. Он издал короткий, пересохший звук, похожий на «Ыгх!».

— И сегодня мы покажем всю мощь российской армии! — выкрикнул Саша, поднимая деревянный пистолет над головой.

И в этот самый момент, словно сама судьба отвечала на его призыв, над деревней с оглушительным, разрывающим небо рёвом, с находящегося неподалеку аэродрома, пронеслись два военных истребителя. Огромные и стремительные самолёты шли на малой высоте, сверкая на солнце стальными брюхами. Грохот был такой, что задребезжали стёкла в магазине, а с крыши сорвалась стайка ворон. Самолеты взмыли вверх, к облакам, оставляя за собой две широкие, рассекающие небосвод белые полосы. Эффект был мощнее любого салюта.

Арслан аж подпрыгнул на месте, тыча пальцем в небо. Марат от изумления выпустил свою винтовку, и она с глухим стуком упала в пыль. Тимур, забыв про всё, свистнул, сняв пилотку и следя за самолётами восхищённым взглядом.

А Саша, стоя на крыше «Нивы», замер с поднятым к небу «ТТ». Сердце его готово было выпрыгнуть из груди. Это был знак. Самый настоящий знак свыше. Он обвёл взглядом своих бойцов, их лица, полные благоговейного ужаса и восторга, улыбающихся стариков на лавочке и даже спину участкового Кузьмича.

— Видите? — его голос сорвался уже не от волнения, а от переполнявших его чувств. — Это нам салютуют! Наступает наш черёд! За мной, товарищи! В атаку!

Воодушевлённые речью командира и небесным салютом, они бросились бежать к лесу, что виднелся тёмной полосой на окраине деревни. Их ноги, окрылённые всеобщим восторгом, несли их так быстро, что пилотки Арслана и Марата слетели с голов, и их пришлось нести в руках, а вещмешок Марата отчаянно хлопал его по спине, словно пытаясь остановить.

Они добежали до опушки, где тень от высоких сосен уже легла на пожухлую траву, и воздух стал прохладнее и пах смолой. Саша, тяжело дыша, поднял руку с ППШ.

— Стоять! Привал!

Бойцы, рухнув на мягкий мох, начали восстанавливать дыхание. Азарт немного поутих, и тут все разом почувствовали, что игра — игрой, а за день они изрядно проголодались.

— Слушайте все! — Саша встал, отряхнув гимнастёрку. Его командирский взгляд обвёл уставшие, но всё ещё пылающие энтузиазмом лица. — Без надёжного тыла армия не воюет. Наше следующее задание — снабжение.

Тимур и Марат переглянулись, понимающе кивнув. Они знали эту военную хитрость.

— У нас тридцать минут! — чётко обозначил Саша временные рамки. — Каждый идёт домой и любой ценой добывает припасы! Сухой паёк, вода, боеприпасы! Встреча здесь, на этом рубеже! Не опоздать!

Слово «припасы» зажгло новый огонь в глазах бойцов. Все тут же поняли, что это значит: бутерброды, печенье, яблоки, и, если очень повезёт, какая-нибудь газировка.

— Вопросы есть? — спросил Саша.

Вопросов не было. Было лишь всеобщее желание побыстрее раздобыть провиант. Все кроме одного.

Арслан, который сидел, обняв свою винтовку, поднял на командира умоляющий взгляд своих огромных зелёных глаз. Его лицо выражало такую драматическую скорбь, будто его отправляли не за бутербродами, а в глубокий тыл врага.

— Саш... а мне-то что делать? — прошептал он трагическим шёпотом. — Мне же мама не даст... Она говорит, я перед ужином сладким аппетит порчу... А если я попрошу колбасы... она подумает я опять какогонибудь щенка кормлю и домой его принесу.

Он выглядел настолько несчастным, что даже суровый Тимур фыркнул, а Марат снял очки, чтобы протереть их, скрывая улыбку. Саша, как настоящий командир, нашёл решение. Он положил руку на плечо младшего бойца.

— Боец Арслан, твоя задача — разведка и маскировка. Пробепись на кухню, действуй тихо, как партизан. Добыча — любая провизия, до которой сможешь дотянуться. Понятно?

Лицо Арслана просияло. Слова «разведка» и «партизан» сделали своё дело. Теперь он был не просто мальчиком, воруящим колбасу, а секретным шпионом.

— Так точно, товарищ командир! — выпалил он, отчаянно салютуя и чуть не выбив себе глаз собственной же винтовкой.

— Тогда все за работу! — скомандовал Саша. — Время пошло!

Отряд стремительно рассыпался. Тимур и Марат побежали к своим домам, зная, что их матери всегда держат на кухне что-нибудь съестное. Саша, как самый ответственный, двинулся строевым шагом, обдумывая, как бы выпросить у бабушки хотя бы пару бутербродов с салом и огурцом.

А Арслан... Арслан исчез в кустах, пригнувшись к земле так низко, что его камуфляжная гимнастёрка слилась с листвой. Он полз по-пластунски, держа винтовку перед собой, и его слышно было только по довольному повизгиванию и шепоту: «Я партизан... тихо-тихо... сейчас колбасу возьму... тычь-тычь...»

Ровно через тридцать минут, как и приказывал командир, у опушки леса начали появляться тени. Первым вернулся Саша. Он шёл чётким строевым шагом, неся в одной руке свой деревянный ПППШ, а в другой полиэтиленовый пакет, из которого торчали горбушки чёрного хлеба и виднелась заветренная пластиковая бутылка с водой. На лице его была написана суровая удовлетворённость выполненным долгом.

Вслед за ним, старательно подражая командиру, пришёл Марат. Он был красный гордости. В его пухлых руках болтался огромный целлофановый пакет, набитый до отказа. Оттуда свешивались пупырчатые бока огурцов, торчала половинка кирпича чёрного хлеба, а на самом дне звенела жестяная солонка, которую он, видимо, стащил, не глядя.

— Добыл провиант, товарищ командир! — запыхавшись отрапортовал он. — Огурцы... хлеб... соль для консервации!

Саша одобрительно кивнул, оценивая стратегический запас.

Следом подошёл Тимур. Он шёл не спеша, с хитрой ухмылкой. Гимнастёрка на нём была растёгнута, а из-под полы он, словно настоящий разведчик, извлёк старый, потрёпанный, но самый настоящий армейский бинокль в кожаном футляре.

— Это, — с важностью заявил он, — для наблюдения за передвижениями противника. Связной гонец доставил.

Под «связным гонцом» все поняли, что он просто тихо прокрался в кабинет к отцу и стащил бинокль с книжной полки.

Но главное представление было впереди. В кустах у опушки послышался шорох, ветка хрустнула, и на поляну выполз, вернее, выкатился Арслан. Вид у него был самый что ни на есть партизанский. Весь в прилипших травинках, паутине и хвое, с размазанной по щеке землёй. В одной руке он сжимал свою винтовку, в другой огромную, толстенную самодельную рогатку, заткнутую за ремень, а в зубах, как настоящий диверсант, он держал за один конец полуколыца сырокопчёной колбасы с прожилками сала.

Поставив добычу на траву, он торжествующе выпалил:

— Задание выполнил! Вражеский склад продуктов уничтожен! Добыл трофей! — Он ткнул пальцем в колбасу. — И оружие повышенной мощности! — он похлопал по рогатке.

Саша, Тимур и Марат замерли в немом восхищении. Колбаса была настоящим сокровищем. Арслан, пытаясь от гордости, пояснил:

— Она на столе лежала... Я как мышь... тихо-тихо... Мама в огороде, а я — хватить! — он сделал выразительный жест, — и бежать! Еле унёс!

Теперь у отряда было всё: вода, хлеб, огурцы, соль для полноты армейского быта, стратегический бинокль для разведки, грозное партизанское оружие и, главное, великая сырокопчёная колбаса, пахнувшая дымком и настоящей, взрослой, мужской жизнью.

Саша обвёл взглядом свою добытчиковую армию, их сияющие, довольные лица.

— Молодцы, бойцы! — сказал он, и в его голосе звучала неподдельная гордость. — Теперь мы готовы к любым испытаниям. Армия воюет не только оружием, но и желудком. Привал окончен. Впереди — вражеский лес и великие победы!

Саша подозвал всех к себе жестом, полным командирской таинственности. Он скинул с плеча свой вещмешок, аккуратно расстегнул потрёпанные застёжки и с торжественным видом извлёк оттуда небольшой, туго свёрнутый кулёк из плотной обёрточной бумаги, перемотанный в нескольких местах изолентой. Изнутри слегка просыпался буро-лиловый порошок.

— Что это? — первым не выдержал Арслан, уставившись на свёрток горящими глазами. — Полевая кухня? Концентрат каши?

— Да нет же, — фыркнул Тимур, приглядываясь. — Похоже на какой-то порошок. Усилитель для рации, да, командир?

Даже Марат, поправляя очки, склонился поближе, пытаясь разгадать загадку.

Саша выдержал театральную паузу, держа в руках злобещий свёрток. Его лицо стало сосредоточенным и серьёзным.

— Это, товарищи, — произнёс он, понизив голос до конспиративного шёпота, — не просто свёрток. Это взрывпакет.

Повисло молчание. Только ветер шелестел листьями берёз над их головами.

— Взрыв... — сдавленно прошептал Марат, и его глаза за стёклами очков стали круглыми, как блюдца.

— ...пакет? — недоверчиво закончил Тимур. Он посмотрел на комок в руках Саши, потом на его лицо. — Из... из марганцовки?

— Так точно, — кивнул Саша, явно гордясь эффектом. — Я его сделал по схеме, которой меня мой брат учил. Там не только марганцовка, — он многозначительно посмотрел на товарищей, — есть и другие... компоненты.

Он произнёс это слово «компоненты» с такой таинственностью, будто речь шла о секретных реагентах из спецлаборатории КГБ, а не о сахаре и средстве для розжига, стащенных из гаража.

— Взрыв, конечно, не большой, — продолжал Саша, уже чисто по-инженерному оценивая свой «заряд». — Небось, банку с вареньем не разорвёт. Но для подрыва вражеских укреплений хватит. Или для отвлечения внимания... Бросим в сторону — они все туда побегут, а мы в это время с фланга зайдём.

Арслан, который слушал, разинув рот, теперь смотрел на свёрток не как на игрушку, а как на священный Грааль. Он боязливо потянулся пальцем, чтобы потрогать бумагу, но Саша убрал взрывпакет.

— Осторожно, боец! Это не игрушка! — строго сказал он, снова пряча смертоносный, в его представлении, свёрток в вещмешок. — Применять будем только в самом крайнем случае, по моей команде.

Теперь игра обрела совершенно новое, взрослое и по-настоящему опасное измерение. Они были уже не просто солдатами с деревянными винтовками. Они были диверсантами, под-

рывниками, у которых в запасе имелось самое настоящее, хоть и кустарное, но оружие. И от этого сознания по спине у каждого побежали мурашки смешанные из страха, восторга и безмерной гордости за своего гениального командира.

Саша подумал и, бережно протянул свёрток Марату. Лицо командира было напряжённым и серьёзным.

— Держи. Ты — подрывник. Только смотри не урони.

Марат принял свёрток так, будто это была спящая гадюка. Он боязливо прижал его к животу.

— А... а он не р-р-рванёт просто так? — прошептал он.

— Не должен, — бодро ответил Саша, но в голосе слышалась лёгкая неуверенность. — Брат говорил, главное — не трести.

Вдруг Тимур, который водил биноклем по горизонту, вскочил.

— Ребята! Снова самолёт!

Все ахнули. Из-за леса, громко гудя, выплыл огромный серый самолёт. И из него посыпались маленькие точки, превращающиеся в белые парашюты.

Наступила секунда ошеломлённой тишины.

— Десант! — взвизгнул Арслан, вцепившись в рукав Саши. — Это же немцы!

Великий поход за колбасой мгновенно забылся. Теперь это была война.

— Всем тихо! — сдавленно скомандовал Саша. — Быстро всё по рюкзакам! Прячем припасы!

Началась суета. Саша дрожащими руками сунул бутерброды в вещмешок. Тимур засунул бинокль за пазуху. Марат, не выпуская взрывпакета, пытался одной рукой затолкать в рюкзак огурцы.

— Ты что, растяпа! — прошипел Тимур, выхватывая пакет. — Так они все помнутся!

Он ловко уложил огурцы поверх хлеба.

Арслан прижимал к себе свою колбасу.

— А это куда? — растерянно спросил он.

— Ломай! — приказал Саша.

— Не-е-ет! — застонал Арслан.

— Ломай! — рявкнул Тимур.

Арслан, с выражением великой скорби, с треском переломил колбасу пополам. Одну половину сунул в вещмешок, вторую — Саше.

— Готовы? — Все кивнули, лица бледные. — Тогда бегом! К мосту!

Они побежали. Лес встретил их колючими ветками. Они бежали, спотыкаясь о корни, тяжело дыша. Страх гнал их вперёд. Вскоре они выскочили к пересохшей речке. На дне её лежали потрескавшиеся комья грязи. Через русло была перекинута одна-единственная длинная серая доска — мост.

Саша, переводя дух, показал на неё.

— Видите?.. Они пойдут здесь... Взрываем мост.

Он повернулся к Марату, который синел от натуги, прижимая свёрток.

— Заложишь под доску... Как только они появятся — подрываешь. Всё понятно?

Марат кивнул, сжимая свёрток так, что костяшки побелели.

— Понял, товарищ командир..

Отряд залёг в кустах, затаив дыхание. Вражеский десант мог показаться из-за деревьев в любую секунду. Сердца стучали громко, и Арслан, казалось, вот-вот чихнёт от напряжённой пыльцы, витавшей в воздухе.

— Тимур, Арслан — на ту сторону, в засаду! — тихо, но чётко скомандовал Саша, указывая рукой на группу густых ёлок слева. — Как только мост взлетит на воздух, открываете шквальный огонь!

Мальчишки, не говоря ни слова, поползли в указанном направлении, стараясь не стучать своими деревянными винтовками о землю.

Саша остался с Маратом. Он присел на корточки рядом с пухлым подрывником, который сжимал свёрток так, словно от этого зависела его жизнь.

— Слушай сюда, — голос Саши стал деловым и спокойным, каким он слышал его у старшего брата, когда тот что-то мастерил. — Видишь, там, где доска лежит на нашем берегу, подложили камень?

Марат кивнул, сглотнув. Под одним концом доски действительно был небольшой камень, и под ним была щель.

— Туда и засунем. Аккуратно. — Саша взял у него из рук «взрывпакет» и ловким движением просунул его в щель под доской. — Теперь самое главное — фитиль.

Он отмотал кусок изолянта с другого конца свёртка, обнажив короткий шнурок, выкрашенный фиолетовым марганцем.

— Это он? — с благоговейным ужасом прошептал Марат.

— Он. — Саша вытащил из кармана шорт потрёпанный, но полный коробок спичек. — Как только прозвучит моя команда — чиркаешь и поджигаешь. Горит быстро, секунды три. И сразу — бегом к нам, в укрытие. Понял?

Марат снова кивнул, уже с большей уверенностью. Он взял коробок дрожащими пальцами.

— Я... я справлюсь, товарищ командир.

Саша посмотрел на друга. В его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость. Он коротко хлопнул Марата по плечу.

— Знаю, что справишься. Ты же — наш подрывник.

С этими словами Саша, пригнувшись, короткими перебежками скрылся за толстым стволом старой берёзы в паре десятков шагов от моста. И Марат остался один. Совершенно один. Прямо перед ним лежала доска, а под ней — страшная и могущественная сила, которую ему предстояло высвободить по команде. Он сжал в одной руке коробок спичек, а другой поправил очки. Он был наедине с войной. И от этого осознания по его спине бежали мурашки. Марат, дрожащей рукой, достал из коробка первую спичку. Чирк — и маленькое пламя осветило его сосредоточенное лицо. Он поднёс огонёк к тёмному шнурку. Раздалось короткое шипение, вспыхнула одна искорка, и... фитиль потух, оставив лишь чёрную точку.

— Э-э-э... — растерянно пробормотал Марат.

— Давай же, Марат, быстрее! — донёсся из-за дерева сдавленный шёпот Саши. — Они уже на том берегу, я их в бинокль вижу!

Марат лихорадочно вытащил вторую спичку. Чирк — поджёг — шипение... и снова ничего. Только запах серы. Третья спичка сломалась, не загоревшись. Четвёртая чиркнулась так сильно, что головка отлетела в сторону.

— Марат! — голос Саши стал напряжённым, почти отчаянным. — Что ты там возишься?

— Не... не получается! — чуть не плача, прошипел Марат в ответ, вглядываясь в почти пустой коробок. В нём лежала одна-единственная, последняя спичка. Спичка их последней надежды.

Он зажмурился, мысленно помолился всем богам, которых знал, и чиркнул. Пламя вспыхнуло ровно и уверенно. Марат, затаив дыхание, поднёс его к фитилю. Шнурок снова зашипел, озарился крошечным огоньком... и снова, предательски, погас, оставив лишь тонкую струйку дыма. Коробок был пуст.

— Саш... — голос Марата дрожал. — Спичек... нет. Всё...

— Что?! — из-за берёзы донёсся недоуменный, почти яростный шёпот. — Как нет? Что значит «нет»?

Но Марат уже ничего не слышал. Отчаяние, смешанное с внезапным озарением, заставило его кровь бежать быстрее. Он снял с лица очки. Мир вокруг расплылся в мутных, неясных пятнах. Но он кое-что помнил из уроков природоведения. Дрожащими пальцами он взял свои очки, эти толстенные, увеличивающие стёкла. Он видел без них плохо, и сейчас всё перед ним плыло и двоилось. Глаза его от непривычного напряжения тут же наполнились слезами, застилая и без того смутную картину. Всё, что он видел, — это размытое пятно доски и слёзные блики на стёклах.

Он начал ловить солнечный зайчик, пытаясь сфокусировать лучик света на тёмном пятнышке фитиля. Руки дрожали, в глазах стояла вода, отчего световые зайчики прыгали и разбегались. Он водил очками туда-сюда, морщась и хмурясь, пытаясь совместить невидимую ему точку и ослепительный блик. И вдруг — получилось! Через слёзы он увидел, как на фитиле появилась крошечная, ослепительно яркая точка. Он замер, боясь пошевелиться. Точка становилась всё ярче, от неё пошёл едва заметный дымок. Сердце Марата заколотилось в груди. Он почти победил!

Но в этот момент его рука от напряжения дрогнула. Слеза скатилась по щеке, исказив зрение. Ослепительный солнечный зайчик, сконцентрированный линзой, соскользнул с фитиля и упал прямо на бумажный свёрток «взрывпакета».

Произошел взрыв. Взрыв, казалось, разорвал само пространство. Не оглушительный грохот, а глухой, сокрушающий всё вокруг хлопок, от которого на мгновение воцарилась абсолютная, оглушающая тишина.

Марата, склонившегося с очками над взрывпакетом, словно тряпичную куклу, отшвырнуло мощнейшим порывом неведомой откуда взявшейся взрывной волны. Он описал в воздухе короткую дугу и мягко, будто пушинка, шлёпнулся в сухую траву, его очки грациозно взлетели вверх, сверкая на солнце. Сашу и Тимура, припавших к земле за берёзой и кустами, подбросило и протащило по земле, осыпав градом земли, щепок и того самого буро-лилового порошка, который оказался на удивление едким. Арслан, замерший в транше, лишь успел увидеть ослепительную белую вспышку, прежде чем его отбросило назад, словно пушинку. Казалось, время остановилось. Их несло по воздуху, мимо проносились вывернутые с корнем кусты, обломки доски, куски земли... Куда их затягивает? В какую бездну? Сердца, за секунду до этого стучавшие от азарта, сковал ледяной, животный страх.

И тут, сквозь пелену дыма и едкой марганцовой гари, сквозь нарастающий оглушительный звон в ушах, они увидели его. Прямо перед ними, словно материализовавшийся из самого кошмара, на том берегу русла, стоял мотоцикл. Нет, не просто мотоцикл, а громный, угловатый, серо-стального цвета, с брутальной коляской, в которой возвышался короткий и грозный ствол пулемёта. А на мотоцикле, облокотившись на бак, сидел... Настоящий немец.

Он был именно таким, каким они его и представляли, глядя на картинках в школьных учебниках или кино. Высокий, худой человек, с бледным, почти восковым лицом и холодными, немигающими глазами цвета стали. На голове находилась характерная каска, из-под которой выбивались прямые, почти белые волосы. На его груди тускло поблёскивал Железный крест. Он смотрел на них, этих перепачканных, оглушённых мальчишек, летящих в противоположную сторону, с каким-то странным, отстранённым и равнодушным выражением лица, будто рассматривал букашек. И вдруг этот немец усмехнулся. Усмешка была кривой, злой и неприятной, словно скрежет металла по стеклу. Он что-то крикнул на чужом, гортанном языке, и его рука в чёрной перчатке легла на затвор пулемёта.

Арслану, с его богатым воображением, показалось, что изображение немца будто мерцает, словно призрак или картинка на плохо настроенном телевизоре. Его контуры размывались и плыли, затем на мгновение вновь становились чёткими и ясными, создавая странный, сюрреалистичный и тревожный эффект. Он был почти настоящим, но в нём было что-то ненастоящее, призрачное.

В этот момент видение померкло, поплыло и растаяло в мареве поднимающегося от земли жара, словно его и не было. А сознание, не выдержав ни мощи взрыва, ни этого ледяющего душу видения, окончательно покинуло головы юных солдат. Последнее, что почувствовал Саша, прежде чем погрузиться во тьму, это едкий запах гари и сладковатый привкус рваной крапивы.

КУДА ПОПАЛ Я?

Над выжженным пятном земли, там, где секунду назад стояли четверо мальчишек, в воздухе висела АТЛАЯ. Не монолитный корабль, а компактный зонд-сфера, идеально невидимый для любого радара и человеческого глаза. Внутри, погруженный в питательную жидкость интерфейса, сидел Спрут — Наблюдатель — ощущал, как вибрация от хроно-буфера медленно затухает, оставляя после себя лишь гулкую, унижительную пустоту. Он наблюдал. Он всегда только наблюдал. Но сейчас его щупальца судорожно сжались, а множество глаз, слившихся с панорамным экраном, фиксировали идеально чистый, пустой участок леса. Ни тел, ни следов, ни всплеска энергии Артефакта. Ничего.

«Ты только что выбросил в случайную точку пространства-времени единственный известный ключ к величайшему наследию Прародителей. Из-за взрыва пакета».

— Вычислить координаты выброса! Немедленно начать процедуру обратного захвата! — мысленный приказ прозвучал так резко, что дрогнули сенсоры зонда.

Ответ АТЛАЯ был безжалостно спокоен:

«Невозможно. Уровень энергии систем — 4%. Обратный захват требует минимум 98%. Перезарядка до минимально необходимого уровня займет 1 час 37 земных минут, при условии пассивного поглощения солнечной и фоновой радиации.»

Час и тридцать семь минут. Не три дня, но всё равно — вечность. Пока его зонд, беспомощный, как выброшенная на берег медуза, будет висеть здесь, накапливая энергию, Артефакт и его случайные носители дрейфуют в хроно-потоке. Они могли оказаться где угодно.

«Доступные функции при текущем уровне энергии:

- 1. Базовая маскировка.*
- 2. Лингвистический модуль и библиотека данных.*
- 3. Пассивное сканирование окружающей среды в радиусе 50 метров.»*

Вот и всё. Охотник за легендой, вооруженный словарем и способностью притворяться. Он смотрел на пустое место, и его охватила ярость. Горячая, бессильная ярость существа, осознавшего всю глубину собственной ошибки. И тогда, сквозь ярость и отчаяние, родилось новое, тихое и неуютное решение. Он не мог вернуть их сейчас. Но он мог подготовиться. Он должен был их найти. И для этого ему предстояло сделать то, чего Спруты не делали тысячелетия. Он должен был не просто наблюдать. Он должен был действовать. В одиночку. Безоружный. С одним лишь словарем в арсенале.

АТЛАЯ, словно читая его мысли, вывела на главный экран новый, неумолимый отсчет.

«01:36:59...

01:36:58...

01:36:57...»

Час и тридцать семь земных минут. Вечность, за которую Ключ мог уплыть в небытие. Ждать в этой энергетической пустоте было безумием. Наблюдатель мысленно ввел новый запрос.

— Просканируй окрестности. Найди аномалию, геологический разлом, любой источник повышенной геотермальной или электромагнитной энергии. Место, где подзарядка пойдет быстрее.

АТЛАЯ молча обработала данные. Через несколько секунд на экране замигал маркер в паре километров от их позиции. Слабая, но стабильная магнитная аномалия на окраине скопления примитивных жилищ гуманоидов. Решение было рискованным, но иного выбора не оставалось. Зонд, все так же невидимый, плавно тронулся с места. Он не летел, а скорее скользил над самой землей, едва не задевая серебристую траву, оставляя за собой лишь легкую рябь

на росе. Наблюдатель парил в нескольких сантиметрах от пола кабины, слившись с системой, его щупальца нервно подрагивали.

Вскоре впереди, за изгибом пыльной дороги, показались первые признаки цивилизации. Это был окосившийся забор, несколько деревянных домов под тёмно-зелёными замшелыми крышами, тяжёлый запах дыма и преющей органики. Воздух здесь был гуще, насыщеннее, но энергетический фон оставался удручающе низким. Гуманоидов видно не было. Спрут направил зонд чуть левее, к источнику аномалии, как вдруг...

«Обнаружена речевая активность. Источник: за деревянным ограждением слева. Монотонная, с повышенными модуляциями. Начинаю анализ и перевод», — отработовала АТЛАЯ.

Из-за забора, сложенного из неровных серых досок, доносился одинокий, хриплый голос. Он не разговаривал, а скорее ворчал, бормотал что-то себе под нос, и в этом бормотании сквозила такая бездонная, вековая усталость и раздражение, что даже бесстрастные сенсоры зонда отметили эмоциональный всплеск.

«...ну вот, опять... этот карюратор... эта железяка проклятая...» — перевел синтезатор ровным, бесстрастным голосом.

Раздался глухой металлический лязг, словно кто-то с силой швырнул на землю тяжелый инструмент.

«...сиди тут, трать свои лучшие годы... Чего ты от меня хочешь, а? Ну чего?»

Мониторы АТЛАЯ мигнули мягким желтым предупреждением.

«Лексическая аномалия. Прямой перевод отсутствует. Контекстный анализ не дает результата. Перегрев лингвистического модуля 5%».

Спрут насторожился. Кто этот гуманоид? Он обращался к другому? Но сенсоры показывали лишь одну биологическую сигнатуру. Может, это ритуал? Заклинание? Голос за забором продолжал свой безнадежный монолог, становясь всё громче и проникновеннее:

«...да я тебя, твою ж материнскую... Да чтоб ты сквозь землю провалилась, окаянная!»

БИП! Система содрогнулась. Предупреждение сменилось на тревожный оранжевый цвет.

«Критическая лексическая аномалия! Сбой в семантическом ядре! Перегрев 22%! Запускаю протокол охлаждения!»

Наблюдатель замер в полном недоумении. Что это за слова? Они не несли очевидного смысла, но их произнесение вызывало настоящий перегруз систем! Это было похоже на примитивный, но мощный психо-лингвистический вирус. Он мысленно отдал новый, отчаянный приказ.

— Подключи базы данных всех известных галактических торговых языков! Древних и мертвых наречий! Должен быть аналог! Проанализируй эмоциональные обертоны!

АТЛАЯ замигала, перебирая языки сотен цивилизаций. На главном экране замелькали странные символы.

«Анализ на языке Криннов... нет соответствия. Анализ на наречии Древних Манускриптов... нет соответствия. Проверка лингва-франка Орионского Пояса... ошибка! Эмоциональный окрас: глубокая фрустрация, безысходность, гнев, направленный на неодушевленный объект.»

«...интерпретация: „о-несчастный-потомок-неправедного-предка“... или „о-предмет-вызывающий-желание-возвращения-в-небытие“... с вероятностью 0.0001%»

«Перегрев 51%!» — завывала АТЛАЯ.

Не в силах противостоять загадке, грозившей сжечь его лингвистический модуль, Наблюдатель приказал зонду бесшумно приблизиться к источнику звука. АТЛАЯ, с трудом отводя вычислительные мощности от охлаждения, плавно переместила сферу так, чтобы верхняя часть забора перестала заслонять обзор.

Перед множеством глаз Спрута предстала картина, которая, казалось, была квинтэссенцией всего этого странного, примитивного мира. На утоптанном пятачке земли стояло коробкообразное транспортное средство цвета грязной глины, с открытым капотом, из глубин которого торчали многочисленные провода и трубки. Рядом, прислонившись к крылу, стоял гуманоид. Тот самый, чьи слова обладали разрушительной силой. Он был одет в синюю униформу, слегка мятый головной убор и выглядел крайне раздраженным. В его руках был зажат какой-то чёрный, масляный предмет, который он с безнадёжным видом пытался пристроить обратно в нутро машины.

«Визуальный анализ завершён», — доложила АТЛАЯ, на экране появились чёткие данные, оттеснив хаотичные лингвистические попытки перевода.

«Субъект: взрослый самец гуманоида. Социальный статус: представитель местных правоохранительных структур. На данном уровне социальной организации статус считается высоким, обеспечивает авторитет и право на вмешательство. Локальное обозначение: участковый. Имя: Александров Алексей Кузьмич. Транспортное средство: ВАЗ-2121 «Нива». Год выпуска: 1989 земной год. Состояние: неудовлетворительное. Материалы: низкокачественная сталь, стекло, резина, пластик. Аналог в каталоге Спрутов: «Планетоход тактический, модель 7-Гамма, маркировка «Ржавый Жук».

Спрут с возрастающим интересом изучил данные. Высокий статус. Авторитет. Право на вмешательство. Эти слова звучали музыкой для его ушей, точнее, для сенсорных рецепторов, воспринимавших мысленные импульсы. Этот гуманоид обладал властью. Пусть и в масштабах этой крошечной, примитивной деревни, но его присутствие не вызовет вопросов, его слова будут слушать, его перемещения — считать естественными. А его транспорт... Да, он был уродлив и примитивен, но в этой уродливости был свой резон. Такой объект был бы абсолютно незаметен в данной среде. Никто не станет приглядываться к старой полицейской «Ниве».

Идея, возникшая мгновение назад, теперь оформилась в чёткий, блестящий план. Маскировка «Немецкий солдат» была компрометирована и вызвала панику. Ему требовалась новая, позволяющая не просто перемещаться, а действовать, обладая весом и полномочиями. Что может быть лучше, чем форма местного стража порядка, пользующегося авторитетом? А его транспорт станет идеальным мобильным укрытием, позволяющим патрулировать окрестности, не вызывая ни малейших подозрений.

Пока Спрут размышлял, погруженный в планы идеальной маскировки, он не заметил, как хриплое ворчание за забором сменилось оглушительной тишиной. Он медленно перевел взгляд — и множество его глаз одновременно сфокусировались на фигуре, застывшей в двух метрах от зонда.

Это был тот самый гуманоид, участковый Кузьмич. Но теперь его лицо, еще недавно красное от ярости и усилий, было мертвенно-бледным. Широко распахнутые глаза, смотрели прямо сквозь маскировочное поле, будто видя саму суть незваного гостя. В его руке, сжимавшей масляный ключ, застыла дрожь. Казалось, он перестал дышать. Мгновение растерянности сменилось у Спрута чисто научным интересом. «Любопытно. Особи этого вида способны к спонтанной регистрации фоновых пси-полей? Или это реакция на остаточные энергетические выбросы от хроно-скачка?»

Инстинкт велел замереть. Но протокол первого контакта, который он так грубо нарушил, был уже не актуален. Ирония ситуации вновь показалась ему восхитительной. Он, существо, чья суть — невидимость, только что был обнаружен примитивным существом из-за собственной невнимательности. И тогда Наблюдатель, движимый внезапным, почти безумным порывом, решил протестировать новую гипотезу — гипотезу о локальном чувстве юмора. Его маскировочная форма немца дрогнула, и на бледном, восковом лице расплылась самая неестественная, самая широкая и абсолютно не соответствующая контексту улыбка. Один из его щупалец,

все еще остававшийся невидимым, плавно и грациозно приподнялся в воздухе и совершил несколько дружелюбных, почти кокетливых взмахов в сторону остолбеневшего участкового.

— Приве-е-ет... — прозвучал мысленный импульс, который АТЛАЯ, к счастью, не успела перевести.

Больше Спрут ничего не успел. Сознание Алексея Кузьмича, не выдержав совокупности впечатлений от сломанной «Нивы», странных слов, внезапного ощущения чужого присутствия и, как завершающего аккорда, этой жуткой улыбки и плывущего в воздухе образ немца на мотоцикле, наконец, сдалось.

Алексей Кузьмич провёл этот день отвратительно. Сначала это цирковое представление с пацанами на крыше его служебной «Нивы», потом истеричный звонок от тёщи из города, и как финальный аккорд — категорический приказ супруги срочно ехать и забирать старушку. Всё это вылилось в то, что он, уже вернувшись домой и снова сев в машину, обнаружил, что та наглухо отказывается заводиться. Теперь он стоял в полумраке своего сарая, склонившись над открытым капотом «Нивы». Воздух густо пах бензином и машинным маслом. В руках он сжимал карбюратор — тот самый проклятый узел, который решил выйти из строя в самый неподходящий момент.

— Ну вот, опять... — сквозь зубы процедил он, пытаясь вставить на место упрямую деталь. — Этот карбюратор... эта железяка проклятая...

Деталь со звоном выскользнула из засаленных пальцев и упала в грязь.

— Да чтоб тебя! — голос Кузьмича сорвался на крик. Он был зол на машину, на день, на тещу, на этих пацанов с их дурацкой игрой. — Да я тебя, твою ж... Материнскую! Чтоб ты сквозь землю провалилась, окаянная!

Он исчерпал весь свой богатый лексикон, но «Нива» молчала, будто насмехаясь над ним. Сжав виски, он смирился. Чинить самому безнадежно. Оставался один вариант. Сосед-механик Евсей Минаич, вечно пьяный мужичонка. Но руки у него были золотые. С тяжёлым вздохом Кузьмич вытер руки об замасленную тряпку и вышел из сарая в слепящий солнечный свет. Он сделал всего пару шагов, обходя угол сарая, и замер как вкопанный.

Прямо перед ним стоял немец. Тот самый, как в кино. Высокий, худой, в серой форме, с бледным, восковым лицом и стальными глазами. Та самая каска, тот самый Железный крест на груди. Всё точь-в-точь, как сегодня накаркали те пацаны. Кузьмич проморгал. Наваждение. Солнечный удар. Отравление бензиновыми парами. Должно быть, одно из этого. Он протёр глаза костяшками больших пальцев, с силой надавив на веки. Когда он снова открыл их, видение не исчезло. Оно стало только отчётливее.

А потом этот... этот призрак... злобно усмехнулся. Усмешка была кривой, беззвучной и леденящей душу. Медленно, почти театрально, он поднял руку в чёрной перчатке и отдал тот самый, знакомый по кинохроникам, салют ладонью вперёд, а затем резко вверх. Сознание Алексея Кузьмича и без того перегруженное сломанной машиной, семейными дрызгами и остатками вчерашнего стресса, не выдержало этого финального, сюрреалистического штриха.

— Фашист! — охрипшим от неведомо чего голосом проговорил участковый. В ушах зазвенело, мир поплыл, и он тяжело рухнул на пыльную землю у порога своего же сарая.

Наблюдатель с интересом изучал гуманоида, распластавшегося в пыли. Существо выглядело совершенно безжизненным. Щупальца Спрута нервно подрагивали. Это была незапланированная, досадная заминка.

«Биометрический сканер показывает потерю сознания у субъекта», — бесстрастно доложила АТЛАЯ. — «Причиной является острый нейрологический шок, вызванный когнитивным диссонансом и перегрузкой зрительной коры. Восстановление базовых функций прогнозируется через 2—3 стандартных земных часа».

— Прекрасно, — мысленно проворчал Спрут. — Теперь у нас есть спящий страж порядка и три часа на реализацию плана. Начинай морфогенетическое сканирование и подготовку к трансформации. Цели: моя биологическая оболочка — этот самец. Твой физический каркас — его транспортное средство.

«Подтверждаю. Иницирую процесс полной ассимиляции. Предупреждение: данная процедура является энергозатратной и необратимой на период её действия. Вы примете не просто маскировочную форму, а полноценную биологическую и материальную структуру объекта».

Сфера АТЛАЯ зависла над телом Кузьмича, окутывая его мерцающим синим полем. Одновременно такой же свет обволок и старую «Ниву». Спрут ощутил, как его собственная сущность начала сжиматься, перестраиваться, наполняться странными твёрдыми структурами — костями, сухожилиями, мышцами. Это было мучительно неудобно. Он чувствовал, как у него появляется всего два глаза, всего один рот, какая-то смехотворно маленькая полость для мозга и всего четыре гибких отростка, две ноги и две руки. Это была ужасающая клаустрофобия в собственной новой шкуре. Рядом Нива тоже менялась. Невидимый зонд растворялся в её металле, перестраивая ржавое шасси, насыщая его скрытыми сенсорами и системами, но сохраняя все царапины, вмятины и потёртости. Теперь это был не просто автомобиль, а внешний модуль АТЛАЯ, её новое тело.

Процесс занял несколько минут. Мерцание улеглось. Наблюдатель неуверенно посмотрел вниз. На нём была синяя милицмейская форма. Он пошевелил своими новыми... пальцами. Это было отвратительно примитивно. Он попытался сделать шаг. Его новая, непривычно жёсткая левая нога поехала вперёд, а правая, не понимая команды, осталась на месте. Результат был предсказуем: он тяжело и нелепо шлёпнулся на землю, ударившись новоиспечённым подбородком о камень.

«Рекомендую проявлять осторожность, — сухо заметила АТЛАЯ, чей голос теперь звучал из глубины его нового сознания. — Локомоция на двух конечностях требует практики. Мышечная память оригинала недоступна».

— Спасибо, что проинформировала, — мысленно проворчал он, с трудом поднимаясь на свои новые, шаткие опоры. Теперь предстояло самое сложное — убраться оригинал.

Подойти к телу настоящего Кузьмича оказалось несложно. А вот поднять его... Его новые руки казались смехотворно слабыми. Он обхватил гуманоида сзади, пытаясь придать ему вертикальное положение, но вместо этого они оба, в нелепых объятиях, повалились на бок. Во второй попытке Спрут решил тащить тело волоком. Он ухватился за рукав формы и, пятясь задом и ковыляя, как раненый медведь, потащил бесчувственного участкового к сараю. Его ноги постоянно заплетались, он несколько раз чуть не падал сам, роняя свою обувь. Наконец, запыхавшийся и раздражённый до глубины своей новой, примитивной души, он втащил тело в прохладный полумрак сарая и с облегчением отпустил его. Оригинал мягко сполз в угол, прислонившись головой к крыше.

— Идеально, — пробормотал он мысленно.

Как только Спрут, с чувством глубокого удовлетворения от проделанной работы, обернулся от сарая, он увидел, что к нему на всех парах движется ещё один гуманоид. Женского пола, судя по анализу АТЛАЯ, промелькнувшему на периферии его сознания. Она была внушительных габаритов, а её лицо, пылавшее ярким румянцем, выражало такую концентрацию ярости, что даже у Спрута, не знакомого с тонкостями местной мимики, сжалось что-то в новоприобретённой диафрагме. На её плече лежало белое полотенце, свисавшее, словно боевой штандарт.

— Ты что зараза такая, до сих пор мою мать из города привезти не можешь?! — её голос, громкий и пронзительный, разрезал деревенскую тишину. — И не смей мне говорить, что опять это твое корыто сломалось! На себе мою матушку понесешь, алкоголик несчастный!

Спрут замер в полном недоумении. Поток звуков обрушился на него, не неся никакой смысловой нагрузки. АТЛАЯ, занятая интеграцией в «Ниву», не предоставляла перевода в реальном времени. Он понимал лишь одно — существо настроено крайне враждебно. Что делал бы в такой ситуации оригинал? Протокол подсказывал: проявить доминантность. Спрут попытался скопировать то суровое, начальственное выражение лица, которое он видел у Кузьмича. Он нахмурил брови, сжал губы и попытался посмотреть свысока. Получилось ужасно. Его новые лицевые мышцы двигались нескоординированно. Вместо сурового взгляда вышло нечто, напоминающее гримасу человека, который пытается сдержать чихание, глядя на солнце.

Женщина остановилась в двух шагах, её глаза сузились до щёлочек. Гнев на её лице сменился холодной, хищной яростью.

— Ах ты, паразит такой... — прошипела она, и её голос стал тише, но от этого лишь страшнее. — Опять нажрался, с утра? Глаза-то у тебя мутные, и стоишь ты, как пьяный в стойке! Ну я тебе сейчас устрою трезвый рассвет!

С этими словами она с размаху сдернула с плеча мокрое полотенце и, ловко свернув его в жгут, со всей силы хлестнула им нового «Кузьмича» по плечу. Боль была острой и неожиданной. Спрут инстинктивно вскрикнул — его новый голос издал короткий, нелепый звук. Он попытался уклониться от следующего удара, подняв руки для защиты, но его конечности двигались медленно и неуклюже. Он отступал, спотыкаясь о собственные ноги, его тело качалось из стороны в сторону, в точности как у сильно выпившего человека.

— Постой... Прекрати... — мысленно бормотал он, но его речевой аппарат выдавал лишь бессвязное мычание.

Полотенце со свистом рассекало воздух, щёлкая по его рукам, спине, шее. Это было унижительно. Его, представителя высокоразвитой расы, избивало примитивное существо свёрнутым куском ткани! Он видел единственное спасение — свой транспорт. Продолжая неловко отмахиваться, он, как на ходулях, заковылял к «Ниве». Добраться до неё показалось вечностью. Он схватился за ручку двери, с трудом её открыл и буквально ввалился на водительское место.

— Заводись! Немедленно! — мысленно скомандовал он АТЛАЯ.

Мотор, к его огромному облегчению, рыкнул с первого раза. Он судорожно дёрнул за рычаг, который, как подсказала ему интуитивная связь с кораблём, отвечал за движение, и «Нива» рванула с места, поднимая облако пыли.

С участка дома доносился яростный крик гуманоида:

— Убегаешь, бестолочь бесхребетная! Чтобы к вечеру мать была здесь, слышишь! Или я тебе всю твою милицейскую куртку на ленты порву!

Спрут сидел в коконе «Нивы», и его новое, примитивное тело всё ещё дрожало от недавнего столкновения. Отвратительный привкус адреналина стоял во рту, а по спине, где ударило мокрое полотенце, пылала огненная полоса. Унижение было глубинным, всепоглощающим. Его, Наблюдателя, избранного наблюдателя, но всё же представителя расы, покорившей пространство, — отхлестала, как щенка, разъярённая самка гуманоида свёрнутым куском ткани! В ушах, вернее, в его новом слуховом аппарате, всё ещё стоял её пронзительный крик. Мир вокруг казался враждебным, хаотичным и абсолютно нелогичным.

«Субъект приближается. Идентификация: Баба Тося. Биометрика показывает состояние повышенного ажиотажа», — прозвучал в его сознании ровный, но уже чуть более тихий голос АТЛАЯ.

Спрут медленно повернул голову. К машине, размахивая руками, бежала пожилая гуманоидная самка в цветастом платье и заляпанном землёй фартуке. Её седые волосы выбивались из-под платка, а лицо было искажено паникой.

— Кузьмич! Родной мой, беда-то какая! — её голос, хриплый и пронзительный, ворвался в салон. — Погреб мой, знаешь, под старым навесом, весь провалился! Земля ушла! А я, дура

старая, кур выпустила... Ну, Шпенька, самая шустрая, к краю подлетела, земля — хрусть! — и провалилась! А за ней этот балбес, петух, с криком следом, в яму!

Она, задыхаясь, схватилась за ручку двери «Нивы», словно боялась, что он сейчас уедет. Её глаза умоляли.

— Я спуститься не могу, ноги трясутся, я ведь уже... такая дыра, прямо жуть! И Шпенька моя там сидит, бедная, а петух... просто беда, горит, как огонь!

«Субъект сообщает о структурном повреждении подземного хранилища... биологические единицы, домашняя птица, попали в образованную полость... субъект испытывает страх...»

Голос АТЛАЯ, пытавшийся переводить, начал прерываться, накладываясь на эмоциональный поток речи. Отдельные слова бабы Тоси тонули в шипящих помехах. Спрут улавливал лишь общий смысл: катастрофа местного масштаба, связанная с геологическим провалом и двумя представителями местной фауны.

— Кузьмич, ну выручи, спустись, достань моих дурочек! — Баба Тося понизила голос до заговорщицкого шёпота, и её глаза хитро блеснули. — Я тебе банку лучшего варенья дам! Вишнёвого, без косточек! Сама варила!

«Субъект предлагает обмен: оказание услуги по извлечению биологических единиц на вознаграждение в виде...» — голос АТЛАЯ стал едва слышным, — «...высококонцентрированного фруктово-сахарного субстрата. Локальная ценность: высокая.»

Спрут устоял на старуху. Его разум, способный вычислять траектории звёздных систем, отказывался воспринимать реальность происходящего. Ему, охотнику за Ключом Мироздания, существу, чьи предки переписывали законы физики, предлагали спуститься в яму за парой нелетающих птиц. Взамен — банка забродивших фруктов. В теле, которое едва слушалось, едва не было разорвано в клочья разгневанной самкой и которое пахло теперь бензином, потом и унижением. Абсурд стусился до состояния плотной, удушающей субстанции. Он молчал, и его лицо, лишённое мимики оригинала, выражало лишь оцепенение, которое баба Тося, вероятно, приняла за обычную для Кузьмича заторможенность.

«АТЛАЯ,» — мысленно, почти отчаянно, позвал он. «Проведи тактическую оценку. Индифицируй возможные варианты ответа.»

«Энергетический уровень... критический...» — голос системы был слабым, прерывистым, на фоне нарастающего шипения. «Переводческий модуль... отключается... Рекомендация... исходя из анализа социальных паттернов... согласиться... или... бежать... Вычисление... вероятности...»

И тут связь оборвалась, оставив в его сознании лишь оглушительную, унижительную тишину. Спрут, понимая, что помощи ждать неоткуда, медленно кивнул. Движение получилось резким и деревянным, но баба Тося, поглощённая своей бедой, не заметила странности. Она тут же развернулась и засеменила к своему двору, оживлённо что-то бормоча себе под нос. Он вышел из машины. Ноги снова были ватными и непослушными, но на этот раз он заставил их двигаться осознанно, перенося вес с одной на другую. Получилось чуть лучше, хотя походка всё ещё напоминала движение робота-стажёра. Бабка, не оглядываясь, шла впереди, её плечи напряжённо подрагивали.

Они зашли в прохладный полумрак сарая, пропахший пылью, старым деревом и сеном. В сумеречном свете, пробивавшемся сквозь щели в стенах, теснились груды старого хлама — покосившиеся шкафы с выдвинутыми ящиками, полки, гнущиеся под тяжестью банок с непонятным содержимым, ржавые инструменты, назначения которых Спрут не мог постичь даже гипотетически.

— Вот он, погреб-то, видишь? — баба Тося указала пальцем в угол сарая, где в земляном полу зияла тёмная провалина. — Слышишь? Петух-то! Орет, бедолага!

Спрут напряг свой новый слуховой аппарат. И да, из чёрной дыры доносился приглушённый, но отчаянный клич: «Ку-ка-ре-кууу!»

— Сейчас, родной, я лестницу принесу, — засуетилась старуха, — а ты уж спустишься, достанешь моих глупышей. Хорошо?

Она посмотрела на него умоляющим и в то же время требовательным взглядом. Спрут, не находя иного выхода, снова кивнул. Его шея издала тихий хруст.

— Ну вот и ладно! — баба Тося вдруг стремительно, с неожиданной для её возраста прытью, юркнула в тёмный дверной проём в глубине сарая и скрылась в нём, оставив его одного.

Спрут остался один в полумраке сарая. Он медленно повертел головой, осматривая свое новое окружение. Горы старого тряпья, скрюченные железки, пыльные банки... Его новый, примитивный мозг с трудом обрабатывал эту информацию. Неужели здесь живет гуманоид? В таких условиях? Это было хуже, чем самые заброшенные отсеки на заброшенных орбитальных станциях. Его размышления прервало едва заметное движение на одной из заставленных хламом полок. Среди банок с болтами и свертков он увидел некий комок шерсти. Существо было свернуто клубком и, казалось, спало. Спрут с научным интересом изучил его. Мелкий млекопитающий, по-видимому, безобидный. Выглядел... мирно.

И в этот самый момент существо открыло глаза. Два огромных, фосфоресцирующих в полумраке глаза уставились прямо на него. Но не на его новую оболочку — а сквозь неё. Шерсть на спине кота мгновенно встала дыбом, превратив его из пушистого комка в колючий ошестинившийся шарик с дугой выгнутой спиной. Хвост превратился в ёршик. И в этих глазах, широких от животного ужаса, Спрут увидел отражение. Не лицо участкового Кузьмича. А своё подлинное, многоглазое, щупальцевое «я».

Маскировка дала сбой?! Паника, острая и стремительная, ударила в его новоприобретенный спинной мозг. Он инстинктивно сделал шаг назад, желая отдалиться от этого существа, видящего его сущность. Но его нога, не встречая ожидаемого сопротивления, с грохотом провалилась в пустое оцинкованное ведро, забытое на полу. Последовал оглушительный лязг, звон и отчаянный, предсмертный кошачий вопль, от которого заложило уши. «Мрррааауу!» — пронзив воздух, комок шерсти и ужаса метнулся с полки, опрокинув по пути банку с гвоздями, и исчез в темноте, оставив за собой лишь запах паники и звон разбросанного металла.

Спрут же, с ведром на ноге, беспомощно загремел им, пытаясь удержать равновесие, и с грохотом шлепнулся на пыльный земляной пол, в очередной раз ощутив всю унижительную тяжесть земного притяжения. Он лежал на пыльном полу, и всё его новое тело гудело от глупого падения. Стыд был каким-то новым, острым и крайне неприятным ощущением. С трудом поднявшись, он принялся выдергивать ногу из ведра. Жесть громко и жалобно зазвенела, поддаваясь с неохотой. Наконец, с глухим стуком, ведро отскочило в сторону. Как раз в этот момент из темноты дверного проема возникла баба Тося, волоча за собой деревянную лестницу. Длинную, старую, с перекладинами, потемневшими от времени. Спрут с недоумением уставился на неё. Что это? Примитивное устройство для вертикального перемещения? Оно выглядело ненадёжным и архаичным.

— Вот, родной, лестница! — выдохнула баба Тося, с грохотом установив свою ношу на краю провала. — Сейчас я её спущу, а ты уж по ней и спустишься, ладно?

Он не понимал слова «лестница», но её энергичные жесты — указывание на него, затем вниз, в чёрную дыру, — были красноречивее любого перевода. Его, существо, привыкшее парить, просили воспользоваться этой хлипкой, качающейся конструкцией, чтобы добровольно погрузиться в подземную темноту. Баба Тося, кряхтя, начала опускать лестницу в погреб. Та с противным скрежетом скользнула по краю земли и исчезла внизу.

— Ну вот, спускайся, смелей! — подбодрила она его, с надеждой глядя на него. — Только аккуратненько, не спеши.

Спрут медленно, с опаской, поставил свою новую ногу на первую перекладину. Дерево жалобно закрипело. Вторая нога последовала за первой. Он начал неловко спускаться, цепляясь руками за шершавые перекладины. Его тело было скованным, движения — роботизированными. Он чувствовал себя гигантским, неуклюжим пауком, попавшим в чужую паутину. И вот, когда до низа оставалось чуть больше метра, его нога, ища очередную опору, наткнулась на пустоту. Он не дотянулся. На мгновение он повис в воздухе, его новые пальцы судорожно вцепились в дерево, но тщетно. Равновесие было безвозвратно потеряно.

Он полетел вниз, в непроглядную черноту, коротко и нелепо взмахнув руками, и с глухим, мягким стуком приземлился на что-то упругое и громко захлопотавшее. Спрут грузно поднялся на ноги в кромешной тьме, оглушённый собственным падением и оглушительным гамом, который подняли две птицы. Сверху, из светлого прямоугольника люка, донёсся истошный, полный ужаса крик бабы Тоси:

— Господи! Кузьмич! Ты живой? Убился насмерть! Держись, родной, я за помощью!

Её голос удалился, и в погребе воцарился хаос, состоящий из отчаянного кудахтанья и петушиных воплей. Спрут, движимый единственной ясной мыслью — поскорее выполнить этот абсурдный квест и выбраться отсюда, — протянул руки в темноту. Его пальцы наткнулись на что-то тёплое, пушистое и отчаянно дёргающееся. Он схватил это. В руках затрепыхалась курица. И в этот самый момент на него с разбегу, словно пернатый демон, взлетел петух. Он вцепился когтями в его милицейскую фуражку, съехавшую набок, и начал яростно долбить клювом по его новоиспечённой, ничего не понимающей голове.

Тук-тук-тук! — отдавалось в его черепе, смешиваясь с оглушительным «КУ-КА-РЕ-КУ!» прямо над ухом.

Спрут, ослеплённый темнотой и яростью, попятился. Его спина с грохотом ударилась о полку, и на него посыпались банки с солёными огурцами. Одна из них разбилась у его ног, обдав брюки резким рассолом. Он, шатаясь, отмахивался от пернатого террориста одной рукой, в другой сжимая испуганно вхохочущую курицу.

Проклятая биологическая оболочка! Проклятые конечности! Проклятые эти... КУ-КА-РЕ-КУ!.. птицы! Он споткнулся о мешок с картошкой и едва удержал равновесие, в то время как петух, не прекращая своего наступления, принялся с остервенением клевать его в ухо. В самый разгар его схватки с пернатым врагом, в отверстии погреба возникла тень, и по лестнице ловко спустился кто-то новый. Спрут, ослеплённый темнотой и петушиной атакой, лишь смутно ощутил, как сильная рука схватила его за локоть.

— Дядя Лёш, ты как? Держись, я тебя вытащу! — прозвучал молодой, звонкий голос.

Петух, застигнутый врасплох новым присутствием, отступил с возмущённым клекотанием. Спрута поволокли вверх по скрипучей лестнице. Он, не выпуская из рук тёплый, трепыхающийся комок курицы, покорно поднялся, спотыкаясь на каждой ступеньке. Свет сарая, ударивший в глаза, оказался почти ослепительным. Он стоял, тяжело дыша, весь в пыли, резком запахом соленых огурцов на брюках, без фуражки и с растрёпанными волосами. Перед ним застыла перепуганная баба Тося, а чуть поодаль кучкой стояли несколько детей-гуманоидов, с любопытством разглядывавшие участкового, больше похожего на побеждённого в бою.

— Шпенька моя! — всплеснула руками баба Тося и бережно забрала из его окоченевших пальцев курицу. Она ловко открыла неприметную дверцу в стене сарая, которую Спрут в панике просто не заметил, и запихнула птицу внутрь. Оттуда тут же донёсся довольный гомон. Туда же, шипя и хлопая крыльями, скрылся и его недавний обидчик.

В следующее мгновение из погреба легко выпрыгнул тот самый парень — худощавый, в поношенной синей футболке и джинсах, с коротко стриженными волосами.

И тут баба Тося набросилась на Спрута:

— Кузьмич! Родной мой! Как же ты так? Живой хоть? А? Ну слава тебе, Господи! Я уж думала, насмерть убился! Смотри-ка, Федька вовремя подоспел! — Она совала ему в руки его

же фуражку, упавшую при подъёме, и смахнула с его плеча несуществующую пылинку. — Ну ничего, ничего, главное — цел! А варенье я тебе, как и обещала, самую лучшую банку!

Спрут, всё ещё неся на себе следы унижительной битвы с петухом перья на плече, запах рассола от брюк и лёгкая головная боль от ударов клювом, стоял как вкопанный. Перед ним был новый гуманоид — молодой парень, Федя. Мозг Наблюдателя лихорадочно пытался переключиться с режима «спасение кур» на режим «поиск Артефакта».

— Дядя Лёш, вы Сашку моего не видели? — спросил Федя, с лёгким беспокойством глядя на участкового, который замер с пустым, отсутствующим взглядом. — Он с ребятами куда-то с утра пропал. Мама говорит, перед обедом их видела, как они на вашей Ниве балдели.

Спрут медленно моргнул, заставляя свои новые лицевые мышцы работать. Он попытался изобразить на лице задумчивость, как у оригинального Кузьмича, но получилось лишь выражение человека, который пытается вспомнить, выключил ли он утюг на другой планете.

В этот момент один из мальчишек, толкавшихся неподалёку, отозвался, высунувшись из-за угла сарая:

— А они в лес пошли! Я видел! С автоматами деревянными, как на войнушку!

Федя повернулся к мальчишке, и его напряжённые плечи сразу расслабились. Он выдохнул с таким облегчением, что, казалось, из него вышел весь воздух.

— А-а-а, войнушка... Ну ладно. А то я уж подумал, они на речку пошли, по-тихому, без спроса... Ну, раз в лесу, то ничего.

Эта информация, прошедшая без перевода, не означала для Наблюдателя ровным счётом ничего. «Лес», «войнушка» — это были просто шумы. Но он уловил изменение в интонации Феде — тревога сменилась на спокойствие. Значит, угрозы миссии нет. Он кивнул Феде своим деревянным, неестественным кивком.

В этот момент из дома вышла баба Тося, неся в руках большую банку с тёмно-рубиновым вареньем.

— Вот, родной, держи, как обещала! — она почти силой впихнула тяжёлую банку в руки Спрута. — Самого вишнёвого, без косточек! Федь, пойдём-ка, поможешь мне кое-что донести.

С этими словами она решительно взяла Федю под локоть и потянула за собой вглубь двора, бросив на прощание: — Спасибо тебе ещё раз, Кузьмич, выручил!

Спрут остался стоять с банкой варенья в руках, глядя им вслед. Какое-то время он не мог сообразить, что делать с этим липким, забродившим веществом в стеклянной таре. В конце концов, он осторожно поставил её на пассажирское сиденье «Нивы». Мальчишки, потеряв интерес, с визгом помчались по улице. Пыль медленно осела.

Спрут, наконец, оставшись один, тяжело вздохнул и забрался в салон. Прохлада и знакомый запах бензина и старого пластика немного успокоили его. Он сомкнул веки, давая отдых своим новым, слишком чувствительным глазам. И в этот момент в его сознании, словно далёкий радиосигнал сквозь помехи, прорезался голос АТЛАЯ.

«Энергетический уровень... восстановлен до 7%. Лингвистический модуль... функционирует в базовом режиме».

Спрут мысленно приготовился к долгому и нудному отчету, но система продолжила, и её голос прозвучал с новой, несвойственной ей интонацией — срочностью.

«Приоритетное сообщение. В процессе пассивного сканирования местности в радиусе 1 земного километра обнаружен мощный источник фоновой темпоральной энергии. Локальное обозначение объекта... „река“. Координаты внесены в навигационную систему».

Спрут выпрямился на сиденье, все его чувства обострились.

«Интенсивность излучения достаточна для полной зарядки основных систем за... расчетное время: 12 земных минут. Энергетический профиль... имеет неестественную природу. Вероятность аномалии, связанной с хроно-сдвигом или проявлением Артефакта: 84,3%».

В салоне «Нивы» воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим гулом интегрированных систем. АТЛАЯ сделала паузу, как бы давая ему осознать всю важность момента, и закончила уже абсолютно чётко, без единой помехи:

«Рекомендация: немедленное перемещение к указанным координатам. Ключ может быть там».

Последние слова АТЛАЯ ещё звучали в его сознании, как мотор «Нивы» с оглушительным рёвом взвыл сам по себе. Спрут дёрнулся, его новая рука инстинктивно потянулась к знакомому по мышечной памяти рычагу, но тот не поддавался, залипнув в положении драйв.

— АТЛАЯ? Постой! Что ты делаешь? — мысленно послал он импульс, но в ответ получил лишь нарастающий гул системы, сфокусированной на цели.

«Нива» рванула с места так, что его бросило на потёртый винил сиденья. Пыльная деревня поплыла за окном, превратившись в размытую полосу. Он видел, как мимо промелькнули перекошенные заборы, испуганные куры, разбегающиеся в стороны дети. Скорость была немыслимой, чудовищной для этого убогого транспортного средства.

— Снизь скорость! Мы в населённом пункте! Мы можем... мы можем что-нибудь повредить! — его мысленный голос, обычно полный надменного спокойствия, теперь звучал с нотками паники, которую он сам бы с презрением отметил как «примитивную гумоидальную реакцию».

Но АТЛАЯ была неумолима. Она мчалась по пыльной дороге, которая вскоре сменилась грунтовой, ведущей к лесу. Колёса подпрыгивали на ухабах, подбрасывая его новое тело вверх так, что он ударялся головой о потолок. Он схватился за руль, пытаясь хоть как-то повлиять на траекторию, но это было бесполезно. Рулила не его воля, а бездушный, одержимый расчет системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.